

УДК 902

Археология Среднего Приангарья: находки и исследования в дореволюционный период

М.В. Панюхин

Братский городской объединенный музей истории освоения Ангары, ул. Комсомольская 38,
Братск, Россия
panyukhin.mv@yandex.ru
Статья поступила 3.02.2016, принята 25.03.2016

В статье раскрывается история сбора и изучения археологических древностей Среднего Приангарья в период с первой половины XVIII в. до Октябрьской революции 1917 г. Основная цель работы — проследить процесс накопления знаний о древнейшем прошлом региона, развитие научных идей и концепций. Отмечается вклад краеведов, ученых, общественных и научных организаций. Для исследования привлечен большой круг источников, включая музейные коллекции и описи, отчеты, мемуары, публикации. Часть использованных материалов ранее не публиковалась в специальной литературе.

Ключевые слова: Среднее Приангарье; Илимский острог; село Братское-Острожное; история археологических исследований; дореволюционный период; политические ссыльные; неолит; эпоха бронзы; железный век; средневековье; наскальное искусство.

Archeology of the Middle Angara region: findings and researches in the period before the October revolution of 1917

M.V. Panyukhin

Bratsk Joint City History Museum of Mastering the Angara River; 38, Komsomolskaya St., Bratsk, Russia
panyukhin.mv@yandex.ru
Received 3.02.2016, accepted 25.03.2016

The article deals with the history of archaeological findings and researches of the Middle Angara region in the period from the beginning of the XVIII century to the Russian Revolution of 1917. The aim of the work is to trace both the process of storing the knowledge about the ancient past of the region and the development of the main archeological ideas and concepts. The contributions of the regional specialists, professional researchers, social and scientific organizations are marked. The number of sources has been involved into the research such as museum collections and lists of finds, memory articles, reports and publications. Some of the materials have never been published in the specialist literature before.

Key words: Middle Angara region; Ilimsky Ostrog; Bratskoe-Ostrozhnoe village; history of archeological researches; pre-revolutionary period; political exiles; Neolithic; Bronze Age; Iron Age; Middle Ages; rock art.

Существует не так много специальных историографических работ, характеризующих дореволюционный период изучения археологии Приангарья. Значительная часть имеющейся в них информации требует переосмысления с позиций современного знания, дополнения новыми фактами и именами.

Выделение периода обосновано «методическими требованиями и приемами полевых исследований, объемом источников, мето-

дологией, уровнем теоретического осмысления и интерпретации археологического материала» [1, с. 9].

Условная нижняя граница периода — первая половина XVIII в. — выделена по первым задокументированным находкам древних предметов и наскальных изображений в регионе. Условная верхняя граница — вторая половина 1910-х гг. — связана с началом переходного периода на другой качест-

венный уровень исследований на всей территории Прибайкалья, кардинальной сменной исследовательского состава, методических и методологических подходов.

В рамках периода логично выделяются два этапа-«стадии» [2, с. 226]: 1-й этап (первая половина XVIII — первая половина XIX вв.) связан с работой первых научных экспедиций в Сибирь, творчеством А.Н. Радищева в Илимской ссылке и накоплением первоначальных свидетельств о древних предметах и изображениях в Приангарье; 2-й этап (середина XIX — вторая половина 1910-х гг.) характеризуется активной деятельностью членов Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества (ВСОРГО), Общества изучения Сибири и их многочисленных помощников на местах по поиску и исследованию археологических предметов и комплексов, сохранению историко-культурного наследия.

Большая часть материалов, касающихся археологических находок первых сибирских исследователей — Д.Г. Мессершмидта, Ф.И. Страленберга, Г.Ф. Миллера — была переведена на русский язык и введена в научный оборот знаменитым сибирским ученым В.В. Радловым [3; 4]. Первое содержательное историографическое исследование, посвященное вкладу ученых XVIII — первой половины XX вв. в изучение археологии Прибайкалья принадлежит А.П. Окладникову [5–7]. Последующие исследователи Приангарья преимущественно ссылались на указанные работы. С 1950-х гг. появились новые архивные источники, освещающие дореволюционный период исследований в археологии Приангарья, часть из них только недавно стала вводиться в научный оборот [8; 9].

Начало планомерного научного изучения Сибири принято связывать с указами императора Петра I. Интерес государства к сохранению историко-культурных ценностей ярко характеризует знаменитый указ от 16 февраля 1721 г., гласивший, что «куриозныя вещи, которыя находятся в Сибири, покупать Сибирскому Губернатору, или кому где надлежит, настоящейю ценою и, не переплачивая, присылать в Берг- и Мануфактур-коллегию, а по оной по тому ж не переплачивая, об оных докладывать Его Величеству» [10, с. 378]. С начала XVIII в. при поддержке государства начинается планомер-

ное научное обследование Сибири и Дальнего Востока.

Во главе первой научной экспедиции стал немецкий ученый, доктор Даниил Готтлиб Мессершмидт, который с 1719 г. занялся описанием сибирских народов, исследованием их языков, изучением географии, истории, медицины и этнографии обширного региона.

Ученый посетил многие регионы Сибири. Особенно результативным было его путешествие, начатое в 1723 г. из Туруханска, в верховья Нижней Тунгуски, затем на Лену, Байкал, через Нерчинск и монгольские степи к озеру Далайнор. В июне 1725 г. экспедиция Мессершмидта отправилась в обратный путь — через Иркутск, вниз по Ангаре и Верхней Тунгуске (субширотный участок Ангары в среднем и нижнем течении), в Енисейск [3, с. 9; 11, с. 14]. Именно тогда были зафиксированы писаницы в районе д. Климовой.

Об этом событии в путевом дневнике Мессершмидта значится следующая запись от 8 июля 1725 г.: «Писанный камень на правом берегу Тунгузки, приблизительно в 2 2/3 верст от Климова. Я приказал пристать у него, чтобы осмотреть начертанныя на нем древния изображения и отметить в числе древностей. Но они заключались только в двух всадниках, изображенных красною, исчезающею краскою» [3, с. 19].

Огромную помощь в проведении исследований и составлении научных планов оказал Мессершмидту его ближайший помощник, шведский капитан Филипп Иоганн Табберт (Страленберг). Находясь в ссылке в Тобольске в течение 11 лет (1711–1722 гг.), он изучал историю, археологию и этнографию Сибири, занимался картографией и языкознанием. За эти годы Страленбергу удалось познакомиться с известными русскими исследователями В.Н. Татищевым, Г. Новицким, П. Чичаговым, С. Ремезовым. По возвращении в Стокгольм исследователь опубликовал на немецком языке книгу «Северная и восточная части Европы и Азии» [12].

Хотя Страленберг лично никогда не был в Приангарье (как известно, во время участия в экспедиции Мессершмидта в 1721–1722 гг. он совершил маршрут от Тобольска до р. Большой Кемчуг в Красноярском крае [13, с. 35]), ему принадлежит первое письменное упоминание о находках здесь древ-

них каменных орудий: «Не только мне одному удавалось находить такие каменные клинья у реки Енисея, но и генерал-адъютант (ныне полковник) Канифер, находившийся несколько лет в плену в городе Енисейске и в Илимске, рассказывал мне, что такие каменные клинья находят около Илима и в других местах (где встречаются страшные скалы)» [12, с. 340; 15, с. 32].

Неизвестно, при каких обстоятельствах и когда именно И. Страленберг встретил своего соотечественника Мартина Канифера, который сообщил ему эти сведения. Стоит отметить расхожее заблуждение, которое встречается во многих работах археологов второй половины XX — начала XXI вв. Его источником, по всей видимости, стала опечатка в обобщающей монографии по археологии эпохи камня Северного Приангарья, где М. Канифер обозначен как сотрудник экспедиции Мессершмидта, а имя Страленберга вообще не упомянуто [1, с. 9]. В данный момент известно, что М. Канифер долгое время провел в ссылке в Илимске и, будучи весьма образованным для своего времени человеком, имел довольно широкий круг знакомств среди жителей Приилимья, играя далеко не последнюю роль в жизни заштатного города, где занимался производством и распространением алкоголя [14, с. 119]. Косвенно это может объяснить его осведомленность о необычных находках в окрестностях Илимска и на р. Илим. Никакого отношения к научной деятельности Д.Г. Мессершмидта и его экспедициям он, правда, не имел.

Важным моментом является то, что Страленберг, пытаясь проанализировать сообщение Канифера, выдвинул свой взгляд на функциональное назначение «каменных клиньев», по всей вероятности, представлявших собой неолитические тесла или топоры из камня [6]. Исследователь сделал оригинальное предположение, что люди, оставившие наскальные рисунки, «либо спускались вниз посредством вколоченных в скалу клиньев, либо взбирались по ним вверх» [12, с. 340; 15, с. 32]. Рисунки и каменные орудия он отнес к одному из средневековых тюркских племен.

В 1733 г. была организована масштабная научная экспедиция в Сибирь и на северо-восток континента, получившая название Второй Камчатской экспедиции, или Вели-

кой Северной экспедиции 1733–1743 гг. Изучение истории, этнографии и экономики было возложено на академический отряд под руководством Г.Ф. Миллера.

Приангарье Г.Ф. Миллер посетил дважды. В феврале 1736 г. маршрут его экспедиции проходил на санях по замерзшему ангарскому руслу из Иркутска через Яндинский (11 февраля) и Братский острог (с 14 по 25 февраля), затем через Ангар-Илимский водораздел в Илимск (с 27 февраля по 24 марта), откуда через Илимско-Ленский волок в Якутию и обратно через Верхоленский острог в Иркутск [17, с. 150]. К сожалению, никаких особых описаний путешествия исследователь не оставил. Как справедливо отмечал А.Х. Элерт, «содержание путевых описаний в значительной мере зависит от того, в каких условиях и в какое время года совершалось путешествие» [17, с. 64]. Так, зимой, при благоприятной погоде, путешественники торопились проехать как можно большее расстояние, опрос местных жителей проводился только во время кратковременных остановок на ночлег или для кормления лошадей [Там же]. Разумеется, о проведении полевых исследований, в том числе поиске наскальных изображений, не было и речи.

В августе 1738 г. экспедиция Миллера отправилась в обратный путь из Иркутска в Енисейск по р. Ангаре.

В полевом дневнике исследователь оставил единственную запись, касающуюся древностей р. Ангары — краткое упоминание об изображении, обнаруженном на скале недалеко от устья р. Муры: «Когда я, проезжая мимо, рассматривал ее (скалу. — *Авт.*), то мог заметить на ней только изображение всадника, почему и не счел нужным снять с нее рисунок» [16, с. 535].

В работах Миллера неоднократно встречаются описания наскальных изображений с территории Сибири (р. Лена, Томь и др.), которые были описаны более детально и даже в общих чертах зарисованы. Отвергая версию Страленберга о принадлежности сибирских наскальных рисунков к эпохе средневековья, Миллер твердо отстаивал мнение об их современном происхождении: «Если их приписать грубому народу, преданному охоте, то, право, не знаю, почему их приурочивать к столь отдаленному времени. В самих произведениях нет никакого признака древности, и потому я не вижу причины,

почему они должны быть приписаны первым обладателям этого края, а не нынешним обитателям его» [16, с. 537]. Исследователь предположил, что «писанные камни» могли использоваться в религиозных, «волшебных» обрядах [Там же].

Особое негодование было вызвано предположением Страленберга об использовании авторами наскальных изображений «каменных клиньев» для передвижения по скальной поверхности. Как отметил Г.Ф. Миллер, «то же самое можно было сделать гораздо легче», в большинстве случаев к скалам можно было подобраться и без специальных приспособлений, а в труднодоступных местах Томской писаницы «сам Гмелин и художник, снимая рисунок со скалы, пользовались лестницей» [16, с. 535].

Можно выделить несколько причин, объясняющих, почему в долине р. Ангары, насыщенной стояночными археологическими комплексами и скалистыми берегами с изображениями различных эпох, Г.Ф. Миллеру не удалось сделать большего количества открытий. Во-первых, целенаправленного обследования долины Ангары на предмет древних археологических комплексов и наскальных изображений не предполагалось. Подобные мероприятия требовали времени и значительных трудозатрат. Другой причиной, по всей видимости, были не увенчавшиеся успехом опросы среди немногочисленного ангарского и илимского населения, тем более что всегда внимательный к такой информации Миллер не упустил бы возможности проверить ее или зафиксировать в своих дневниках. Письменное обращение в Илимскую канцелярию с научными вопросами (так называемая «анкета Миллера») тоже не дало исчерпывающих результатов — чиновники были знакомы с местным материалом ничуть не лучше, а зачастую не понимали, чего от них хотят [14, с. 427].

Как отмечал В.В. Радлов еще в конце XIX в., «к сожалению, коллекции этих путешественников не были собраны в одно место, и в настоящее время не осталось почти и следов их» [15, с. 32]. Считается, что большая часть материалов и коллекций Мессершмидта погибла во время пожара в здании Кунсткамеры в 1747 г. [18]. Многие дневниковые записи и архивные документы Г.Ф. Миллера до сих пор не введены в научный оборот. Возможно, среди них содержатся упоминания и

об ангарских находках.

Достаточно обособленно в истории археологических исследований Приангарья стоит имя писателя А.Н. Радищева, который находился в ссылке на поселении в Илимске в 1792–1797 гг. Известно, что в этот период он уже был знаком с результатами работ первых сибирских ученых. В своем сочинении «Сокращенное повествование о приобретении Сибири» писатель предложил разбить древнюю историю региона на этапы: «То, что письменные сохранили предания в летописях Татарских, касаются до самых последних народов, в Сибирь пришедших. Остатки зданий в близости крепостей Усть-Каменогорской и Семипалатной древностию прежних не превосходят: те и другие суть младшие времени славного Чингиса. Могильные холмы и камни при вершине Енисея и других ближних рек, хотя и древнее быть кажутся нашествия Татар в Сибирь; но древнее ли они Могольских племен, то неизвестно. Они доказывают, что остатки суть народов, коим делание меди и серебра было известно. К той же эпохе отнести должно и древние рудники, найденные в горах Алтайских и Аргунских. Древнее сих еще те острые и твердые камни, которые близ рек находят, служившие вместо топоров и ножей» [19, с. 154].

Как отметил А.П. Окладников, «эта смелая догадка на четверть века опередила выводы Томсена о трех периодах в развитии первобытной культуры» [5, с. 2].

А.П. Окладников был первым, кто обратил внимание на малоизвестную работу Радищева и ее прогрессивное для того времени содержание. Он же выдвинул и развил гипотезу о том, что Радищев, находясь в ссылке на берегах Илима, занимался собственными археологическими изысканиями, а упоминание о находках каменных орудий «вблизи сибирских рек» было вызвано «непосредственными илимскими наблюдениями» [5, с. 2]. То, что Радищев действительно проводил значительное время в окрестностях села, подтверждают и воспоминания сына писателя Павла: «Летом он ходил с ружьем по лесам и горам, окружающим Илимск, ездил на лодке вверх и вниз по Илимю» [20, с. 76]. Радищев проводил эксперименты по обжигу керамики и плавке железа в своей столовой [Там же; 21, с. 458]. В личном письме А.Р. Воронцову от 17 февраля 1792 г. А.Н. Радищев

писал: «Мне кажется, что я найду здесь вещи, никому еще не известные» [21, с. 429].

Гипотеза Окладникова, казалось, получила фактическое подтверждение во время раскопок в Илимском остроге в 1971–1975 гг. отрядом Ангаро-Илимской археологической экспедиции Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР под руководством Е.Ф. Седакиной (1971 г.) и В.И. Молодина (1972–1975 гг.). В результате работ были частично вскрыты остатки помещений бывшего воеводского дома, на месте которого был построен дом для ссыльного писателя и его семьи. Среди остатков деревянного здания было найдено большое количество предметов XVII–XVIII вв. — керамическая, фаянсовая и фарфоровая посуда, столовые приборы (ножичек, вилка) и маникюрные принадлежности (ножницы), которые могли быть современниками Радищева и, возможно, принадлежать ему и его семье [22, с. 5; 23, с. 232; 24]. Рядом с этими предметами были обнаружены каменные скребки, украшение из бронзы, обкладка от лука. К сожалению, из-за смешанности культурных слоев нельзя уверенно говорить, что предметы являлись частью личной коллекции А.Н. Радищева.

Несмотря на то, что на протяжении всего XIX — начала XX вв. Илимск принимал значительное число ссыльнопоселенцев, среди которых были люди различных интеллектуальных профессий, в том числе ученые, художники, публицисты, какие-либо данные о том, что они делали попытки сбора или описания археологических древностей, в настоящий момент отсутствуют.

С созданием в середине XIX в. Восточно-Сибирского отделения императорского географического общества и открытием краеведческого музея в Иркутске начались систематические археологические исследования в Прибайкалье. В основном, исследования носили рекогносцировочный характер, являясь первым и наиболее необходимым шагом в деле изучения, по сути, неизведанной в археологическом плане территории.

Немаловажную роль в этом сыграли представители местной и приезжей интеллигенции.

В 1857–1907 гг. в селе Братское-Острожное, которое являлось вторым крупным центром ссылки в Среднем Приангарье, отбывал наказание народный учитель И.И.

Воротников, обвиняемый в организации беспорядков в Иркутской духовной семинарии. Учитель наладил в местной школе эффективную систему образования, организовывал походы с учащимися по окрестностям села и берегам Ангары и Оки для сбора предметов археологии, этнографии, остатков фауны [25, с. 2]. Первые результаты краеведческих изысканий Воротникова вошли в работу «Описание Братской волости», зачитанную в 1857 г. на первом съезде приходских учителей в Иркутске, где она была рекомендована в качестве образца для составления подобных описаний [25, с. 2; 27]. Несколько лет спустя его исследование было опубликовано в Москве. Особый интерес вызывают приведенные Воротниковым упоминания о находках в с. Братском и его окрестностях: «Кроме старинных деревянных башен, существующих более 200 лет, в песке нередко попадаются серебряные копейки времен Иоанна Алексеевича и старее. В окрестностях при вспахивании земли находят различные вещи, как то: ножи, огнивы, котлы и т. п. бурятской работы. Недалеко от Большеокинского села (в 30 верстах от Братского Острога), на берегу Оки, над порогом есть большой камень с высеченными на нем изображениями оленей и разных непонятных знаков; предание утверждает, что здесь было место богослужения и жертвоприношения бурят» [26, с. 32].

В круг общения учителя входили польские повстанцы, сосланные на поселение в с. Братское и Падун в 1860-х гг., для которых он устраивал экскурсии по берегам Ангары и ее притоков, на башни Братского острога. Воротников поддерживал тесные связи с Г. Потаниным — известным исследователем Сибири, своим близким другом и однокашником, собирал палеонтологические материалы для И.Д. Черского [27, с. 186]. Хотя основную часть жизни в Братске исследователь занимался метеорологическими наблюдениями, также он собирал сведения, касающиеся пребывания А.Н. Радищева в илимской ссылке и материалы по архитектуре Братского острога.

Среди польских ссыльных был известный геолог А.Л. Чекановский, отбывавший наказание в селе Падун, к северу от Братского Острога, в 1866–1868 гг. В 1871 г. он совершил маршрутную разведку от Иркутска до Братских порогов уже в составе научной экспеди-

ции ВСОРГО. В рукописях, черновиках и публикациях Чекановского, касающихся Приангарья, содержатся преимущественно результаты геологических и палеонтологических наблюдений в окрестностях Братских порогов, среднем течении Ангары, Ии, Оки и Илима. Исследователь описал коренной зуб мамонта, найденный на левом берегу Ангары напротив д. Антоновой [28, с. 38].

В одной из работ ученый опубликовал часть записей из журнала геолога Яковлева, посетившего в 1810 г. д. Сахаульскую (старое название — с. Заваль Куйтунского района) и впервые зафиксировавшего утес с наскальными изображениями «Скорописный камень», на котором «видно много лиц в мунгальском наряде» [29, с. 20].

Хотя Чекановский принимал активное участие в исследованиях ВСОРГО по всей Сибири, тесно общался с другими учеными и, конечно, был в курсе последних археологических открытий, в своих работах он делал акцент на геологическое прошлое.

В 1880 г. польским доктором Б.К. Пласковицким, близким другом И.И. Воротникова, были зафиксированы наскальные изображения в районе Больше-Кадинских порогов в нижнем течении р. Оки [30, с. 28]. Скорее всего, именно общение с братским краеведом побудило Пласковицкого произвести документирование писаниц, тем более что с начала 1880-х г. он находился в ссылке на поселении недалеко от Николаевского завода.

Наиболее заметное влияние на развитие археологии Сибири и Приангарья в частности оказал еще один ссыльный польский ученый — Н.И. Витковский, человек неординарного ума и образованности. По сути, Витковский был первым сибирским археологом-специалистом в современном смысле этого слова [6]. После знакомства с уже хорошо известным в то время ученым-геологом И.Д. Черским Витковскому удалось устроиться на работу в ВСОРГО в Иркутске. С этого времени началась его научно-исследовательская работа по поиску и раскопкам неолитических стоянок Прибайкалья.

Н.И. Витковский стал первым археологом, который осуществил маршрутное обследование всей долины р. Ангары летом 1882 г. На участке среднего течения ученому удалось открыть галерею наскальных рисунков на 2-м Каменном острове, собрать археологические находки в окрестностях се-

ла Братское-Острожное, на о. Антонове, у д. Пашино и в устье р. Малая Кежда [31, с. 36]. Его сборы стали первой профессионально собранной и описанной коллекцией с территории Среднего Приангарья.

Исследователь тщательно и скрупулезно проанализировал немногочисленный археологический материал ангарских стоянок. Большинство вещественных находок он отнес к каменному веку по аналогии с предметами из уже известных неолитических комплексов под Иркутском в районе Китоя и Тункинской долины. Витковский сделал зарисовки и описания наскальных изображений, охарактеризовал особенности техники их нанесения и зафиксировал степень сохранности. Изображения на 2-м Каменном острове исследователь с осторожностью датировал «тунгусским временем». Результаты исследований были представлены в форме публичного отчета на общем собрании в Иркутске 6 февраля 1989 г., опубликованного впоследствии в двух частях в «Известиях ВСОРГО» [31; 32].

С деятельностью ВСОРГО неразрывно связана история Иркутского краеведческого музея, со второй половины XIX в. ставшего центром по изучению Сибири и сопредельных территорий, а также первым в Прибайкалье специализированным научным хранилищем. К музейной деятельности были привлечены преподаватели местных учебных заведений, чиновники, священники, путешественники, политические ссыльные.

Так, в 1879 г. А.А. Буковский передал шлифованный топор из зеленого нефрита из района д. Мука на р. Купе [33]; в 1880 г. от Н.И. Малкова поступил железный трехлопастной наконечник стрелы, найденный близ с. Шамановского Братской волости [34]; в 1905 г. С.Ф. Михалевич передал коллекцию бронзовых предметов из окрестностей с. Илимска — бронзовую личину с «коронай», бубенец в виде горного козла и диск с изображением львов [35]; в 1908 г. М.М. Устьянцевым был передан каменный топор с ушками и пришлифовкой из бордового кремня, обнаруженный в окрестностях с. Нижнеилимск [36].

Отдельная страница в истории археологических исследований региона связана с деятельностью политических ссыльных в с. Братское-Острожное в начале XX в., в основном это бывшие студенты, ученые, револю-

ционеры-«политики», как их называло местное население [25]. Количество ссыльных в селе в отдельные годы в период 1905–1914 гг. достигало шестидесяти человек. Среди них были представители всех политических партий России [8; 37, с. 53].

В 1912 г. по инициативе большевика В.В. Рябикова и меньшевика Ф.Г. Виноградова-Ягодина группа политссыльных Братской колонии стала ходатайствовать в комитете ВСОРГО об открытии в селе филиала Общества изучения Сибири и улучшении ее быта, который должен был заняться исследованием края в экономическом, культурном и правовом отношении [8]. В письме иркутскому ученому, руководителю археологической секции Общества и одному из организаторов Иркутской ученой архивной комиссии М.В. Овчинникову, содержащем просьбу о содействии в организационных вопросах, Рябиков так описал потенциальных членов: «Желающих стать членами Общества изучения Сибири наберется человек десять. Публика, правда, не особенно активная, но интересующаяся Сибирью и ее жизнью и безусловно порядочная» [37, с. 59].

Опираясь на поддержку местных активистов из интеллигенции (учитель М.Е. Карпов, священник Леонид Малышев, Я.Н. Юрин, Я.М. Оседлов и др.), политические ссыльные создали при Обществе археологический музей, который до 1914 г. существовал полуофициально. По воспоминаниям В. Рябикова, «сначала крестьяне не понимали цели организации музея и иногда нарочно подсылали ребят подбрасывать на крыльцо музея всякое старье и даже дохлых крыс — “пусть Леванид положит их в свой музей”» [38, с. 32]. Однако вскоре с помощью местных жителей фонды музея удалось значительно пополнить предметами археологии, этнографии и палеонтологии с берегов Ангары и Оки, включая «коллекцию идолов, предметы шаманов, старинные иконы, каменные, бронзовые топоры, клыки и зубы мамонта и сотни других предметов» [38, с. 33]. В музее активисты Общества занимались описанием предметов, составлением музейных карточек, вели атеистические беседы с населением.

Сохранились данные о том, что в 1914 г. членами Общества были запланированы археологические раскопки на «Большемамырском и Шаманском курганах», которые не

удалось провести из-за отсутствия времени и «полнейшего безденежья» [39, с. 5]. К сожалению, никакого детализированного плана исследований не сохранилось, к тому же, с началом Первой мировой войны, сменившейся Октябрьской революцией 1917 г., большая часть политических ссыльных покинула село Братское. Активная деятельность Общества в регионе прекратилась полностью.

Стоит отметить, что в 1914 г. в ходе возвращения из Киренска М.В. Овчинников лично посетил Илимск и с. Братское-Острожное, оставив достаточно интересные заметки, которые непосредственно касаются археологии региона: «Против башен в ограде церкви и около реки Оки в земле местные жители довольно часто находили наконецники стрел, серебряные копейки... Но теперь их никто не находит, а если находят, то очень редко. На пашнях крестьяне находят бронзовые ножи, топоры и вещи, относящиеся к шаманскому культу, но все они в большинстве случаев исчезали бесследно для археолога, т. е. медные предметы переливались на подделки или продавались скупщикам, железные поступали в кузницу или ребятишкам в качестве игрушек» [40, с. 360]. Исследователь посетил и недавно созданный музей и, что самое важное, сделал описание наиболее примечательных предметов коллекции. Сравнивая данные Овчинникова и музейную опись учителя М. Карпова 1928 г. [41], можно заметить, что многие уникальные предметы из бронзы и железа в период между этими датами были утрачены.

Овчинников зафиксировал археологические предметы у с. Кежма и Большемамырское и получил ценные сведения, касающиеся наскального искусства Среднего Приангарья: «Пристав Красовский мне передал, что недалеко от Большеокинского селения, в 30 верстах от Братска, имеется скала на 2 сажени выше уровня воды, на ней имеются изображения оленей, лодок и людей. Около этой скалы буряты еще сравнительно в недавнее время совершали тайлагань. Точно такие же изображения имеются по реке Каде, Ие, Черной речке, притокам Оки, вытекающей из Саянского хребта» [40, 361]. Если Большекадинские писаницы уже были известны ко времени пребывания Овчинникова в Братске, то информация о других ме-

стонахождениях была озвучена впервые, хотя так и не была подтверждена фактически.

Интересен факт того, что исследователями — членами ВСОРГО и Иркутской ученой архивной комиссии неоднократно рассылались запросы в волостные правления, чтобы выяснить места нахождения древних стоянок, предметов и наскальных изображений, их сохранность, угрожающие им факторы [40, с. 381]. Данными об ответах на эти запросы на сегодняшний день мы не располагаем.

ВСОРГО внесло значительный вклад в научное изучение Северной Азии, многие его члены побывали в Среднем Приангарье и оставили ценнейшие сведения по археологии, этнографии, палеонтологии. Несмотря на территориальную удаленность и социальный статус, между членами Общества происходило тесное общение, выражавшееся в личной переписке, взаимном гостевом посещении, проведении совместных экспедиций и путешествий, организации ежегодных публичных чтений и отчетных конференций, подготовке и распространении сборников исследовательских работ. Сложившаяся с 1850-х гг. благодаря ВСОРГО система оперативного обмена научной информацией позволила исследователям не только быть в курсе последних открытий, но и ощутить потребность в своей научной деятельности. Благодаря этому обычный учитель, врач, священник, ссыльнопоселенец из отдаленного сибирского села по мере сил и возможностей могли сделать вклад в развитие российской науки.

В целом, дореволюционный период изучения археологии Среднего Приангарья характеризуется случайными находками предметов из подъемных сборов и наиболее выразительных наскальных рисунков вблизи современных населенных пунктов, отсутствием долгосрочных исследовательских программ. Во многом данная ситуация объясняется объективными факторами — регион был крайне труднодоступен, не имел развитой инфраструктуры в сфере науки и образования. Исследования носили преимущественно эпизодический характер, проводились людьми со стороны — проезжающими мимо учеными либо политическими ссыльными, имеющими достаточно высокий уровень образования. Единственный профессиональный ученый-археолог — Н.Н. Витковский — хотя и побывал в регио-

не единожды и недолгое время, оставил после себя замечательное исследование по археологии и коллекцию ценных артефактов.

Важным моментом являлась организация политссыльными музея в селе Братское-Острожное. Несмотря на то, что местные жители часто находили древние артефакты, были в курсе расположения многих наскальных изображений и мест концентрации древних предметов, в их сознании они имели не столько научную, сколько материальную ценность, а зачастую не имели вообще никакой.

Первая мировая война и последовавшие за ней революция и Гражданская война во многом стали переломной вехой для археологии Сибири в социально-экономическом и методологическом плане.

Благодаря результатам эпизодических научных исследований и любительских сборов в дореволюционный период, свидетельства материальной и духовной культуры древнего населения Приангарья стали доступны научной общественности и послужили отправной точкой при проведении последующих археологических исследований.

Литература

1. Васильевский Р.С., Бурилов В.В., Дроздов Н.И. Археологические памятники Северного Приангарья. Новосибирск: Наука, 1988. 234 с.
2. Подгорбунский В.И. Вопросы археологических изысканий в пределах Прибайкалья и прилегающих к нему районов // Труды Первого сибирского краевого научно-исследовательского съезда. Новосибирск, 1928. Т. 5. С. 226-236.
3. Радлов В.В. Сибирские древности. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1888. Т. 1. Вып. 1. 60 с.
4. Радлов В.В. Сибирские древности. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1894. Т. 1, Вып. 3. 168 с.
5. Окладников А.П. А.Н. Радищев и археология Сибири // Изв. АН СССР. 1949. Т. 6. № 5. С. 451-453.
6. Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья (историко-археологическое исследование) // МИА СССР. 1950. № 18. Ч. 1-2, № 18. 411 с.
7. Окладников А.П. Петроглифы Ангары. М.-Л.: Изд-во Наука, 1966. 322 с.
8. Кудряшов В.В. Меньшевики в восточносибирской ссылке (1907-февраль 1917 г.). Братск: Изд-во БрГУ, 2008. 176 с.
9. Панюхин М.В. Деятельность политических ссыльных по изучению археологии Среднего Приангарья в XVIII - начале XX вв. // Диалог

культур и цивилизаций: материалы XV Всерос. с междунар. участием науч. конф. молодых исследователей. Тобольск, 2014. С. 79-81.

10. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. 6: 1720-1722: [№ 3480-4136]. СПб.: Тип. 2 Отд. Собств. е. и. в. Канцелярии, 1830. 818 с.

11. Новлянская М.Г. Даниил Готлиб Мессершмидт. Л.: Изд-во Наука, Ленингр. отд., 1970. 184 с.

12. Новлянская М.Г. Филипп Иоганн Страленберг (его работы по исследованию Сибири). М.-Л.: Изд-во Наука, 1966. 95 с.

13. Strahlenberg F.J. Das Nord - und Ostliche Theil von Europa und Asia. Stockholm, 1730. 438 p.

14. Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т. 2.: Илимский край во II – IV четвертях XVIII в. 2-е изд. Иркутск: Иркут. обл. типография, 2001. 635 с.

15. Радлов В.В. Сибирские древности. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1891. Т. 1, Вып. 2. 102 с.

16. Миллер Г.Ф. О Сибирских писаных камнях // История Сибири. 1937. Т. 1. С. 526-540.

17. Элерт А.Х. Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник по изучению Сибири. Новосибирск: Наука, 1990. 247 с.

18. Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра I // Археология СССР. Свод археологических источников. ДЗ-9. М.;Л., 1962. 52 с.

19. Радищев А.Н. Полн. собр. соч.: в 3 т. М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. 2. 419 с.

20. Биография А.Н. Радищева, написанная его сыновьями /под ред. Д.С. Бабкина. М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 132 с.

21. Радищев А.Н. Полн. собр. соч.: в 3 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 3. 483 с.

22. Медведев Г.И. Отчет о полевых исследованиях, проведенных Ангаро-Илимским археологическим отрядом Иркутского госуниверситета летом 1961 г. Иркутск, 1962. 121 с.

23. Седякина Е.Ф. Отчет о раскопках Илимского отряда Ангаро-Илимской археологической экспедиции Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР за 1971 г. Новосибирск, 1972. 85 с.

24. Васильевский Р.С., Молодин В.И., Седякина Е.Ф. Древние культуры Приангарья. Новосибирск: Наука, 1978. С. 215-232.

25. Молодин В.И. Кресты-тельники Илимского острога. Новосибирск: Инфолио, 2007. 248 с.

26. Воротников В.И. Двадцать лет в метеорологии (из жизни наблюдателя метеостанции). Рукопись. Тярлево, 1961 // БГОМ: Брат. гор. объединение музеев. Ф. 35. Оп. 1. № 20.

27. Воротников И.И. Описание Братской волости, Иркутской губернии // Циркуляр по Мо-

сковскому учебному округу. 1868. № 6. С. 27-39.

28. Черский И.Д. Сведения о млекопитающих животных Нижнеудинского округа (1875 г.) // Неопубликованные статьи, письма и дневники. Иркутск: Иркут. кн. изд-во, 1956. С. 184-191.

29. Чекановский А.Л. Краткий отчет о результатах исследований в лете 1871 года // Изв. СОИРГО. Иркутск: Тип. Н.Н. Синицына, 1871. Т. 2, № 5. С. 16-42.

30. Чекановский А.Л. Геологические исследования Иркутской губернии // Зап. СОИРГО. Т. XI. Иркутск, 1874. Т. 11. С. 398.

31. Пласковицкий Б.К. Кадинская писаница // Изв. СОИРГО, 1888. Т. 19, № 2. С. 28-29.

32. Витковский Н.И. Следы каменного века в долине реки Ангары // Изв. ВСОИРГО. Иркутск, 1889. Т. 22, № 1. С. 1-42.

33. Дневник Н.И. Витковского, веденный им во время поездки по р. Ангаре в 1882 году от г. Иркутска до устья р. Гасевой // Сибирский архив: журн. археологии, истории и этнографии Сибири. 1912. Т. 11. С. 825-838.

34. Иркут. обл. краевед. Узей (ИОКМ). Колл. 39, № 47.

35. ИОКМ. Колл. 6110, № 17.

36. ИОКМ. Колл. 6272, № 750.

37. ИОКМ. Колл. 6272, № 750.

38. Коваль С.Ф. Из жизни В. В. Рябикова в сибирской ссылке (1911-1914 гг.) // Записки Иркутского областного краеведческого музея: сб. ст. и материалов. Иркутск, 1965. С. 53-60.

39. Кудряшов В.В. Политические ссылки в догородской истории Братска // Братск: азбука романтиков: материалы межрегион. науч. конф. Братск, 2011. С. 54-60.

40. Рябиков В. Страничка нашего прошлого (воспоминание старого большевика о сибирской ссылке). Рукопись. Братск, 1948 // БГОМ: Брат. гор. объединение музеев. Ф. 35. Оп. 1. № 286.

41. Михайлович В. О работе Отдела общества изучения Сибири в с. Братское // Иркутская жизнь. 1914. № 52 (26 окт.). С. 5.

42. Герасимов В.Ф. Братск Острожный. Братск: Каскад, 2001. Т. 2. 140 с.

43. Овчинников М.П. Отчет о командировке в г. Киренск для осмотра архивов, от Иркутска до Киренска // Труды Иркут. учен. арх. комиссии. Вып. 3. Тип. Иркутского военного округа. Иркутск, 1916. С. 333-381.

44. Предметный указатель музея Братского отделения Общества изучения Сибири и улучшения ее быта. Братск, 1929 // БГОМ: Брат. гор. объединение музеев. Ф. 36. Оп. 1. № 177.